

Павел Брычков

Женщина, которой ничего не надо

– Ах, Мишенька, мне ничего не надо, у меня все есть, – говорила кокетливо полная, увядающая блондинка, потряхивая, будто веером, растопыренными пальцами рук и дую на свежий, только что нанесенный на ногти ярко-красный лак. Перстни от этого поблескивали радужными веселыми огоньками в лучах майского солнца.

Был обеденный перерыв. Стоявший рядом с ее рабочим столом высокий румяный парень двадцати пяти лет, конструктор из соседней бригады, заволновался и, сдерживая скрытое раздражение, проговорил:

– Елена Павловна, Ленок, ведь я же вам предлагаю двенадцать томов одного из лучших английских прозаиков всего за восемь томов, «Записные книжки» Блока у меня уже есть...

– Ми-ишенька, ну сколько можно терроризировать одинокую женщину. Теккерей я терпеть не могу, он мне чужд. А Блока я люблю. Ах, это чудо, Блок! Помните: «И каждый вечер в час назначенный, иль это только снится мне...» Нет, нет, Мишенька, не могу! Все, что у меня есть, я со школьной скамьи собирала, когда не было еще этого дурацкого бума. Отобрала, что мне нужно, и больше мне на мой век ничего не надо. Все, что у меня есть, мне дорого, и менять я не стану. Накатит вечером тоска, полистаешь что-нибудь, и легче становится.

Глядя на толстые складки, выступившие из-под туго стянутого корсета, четко обозначившегося под тонкой нейлоновой кофтой, Михаил Дудин с тоской и всевозрастающим ожесточением завязтого книжника, которому не дают сверхжелаемое, думал о том, как прошибить эту сорокалетнюю деву, которой глубоко наплевать и на Блока? и на Теккерей – на все, кроме своей персоны.

По рассказам, он знал, да это и сейчас чувствовалось, что она была в молодости страшно красива. В конструкторский отдел пришла после техникума и, зная о своей красоте, ходила с гордо поднятой головой, презрительно поглядывая на многочисленных воздыхателей. Ходила она так до двадцати шести лет, а потом попала в автомобильную аварию и после операции стала прихрамывать. И хотя возможностей выйти замуж от этого не убавилось, она почему-то оставалась одна, и в гордых синих глазах ее появилась презрительная надменность, которая отбила последних ее поклонников.

– Ленок, вам ли на тоску и одиночество жаловаться, при ваших-то данных, – грубо польстил Дудин наигранным тоном, обнажая в улыбке крепкие белые зубы.

– Что ты, Мишенька, отговорила рожа золотая, – улыбнулась в ответ Елена Павловна. Ей было приятно, что красивый молодой парень обращает на нее внимание, как ей казалось, не только из-за книг. – Вот кран в ванной потек, новый купила, а заменить некому. Слесаря устала вызывать. – Она вздохнула, на миг с лица ее сошла маска кокетства, и Дудину вдруг даже стало жаль ее.

«Не родись красивой...» – подумал он и сказал все тем же игривым, противным самому себе голосом:

– Если не возражаете, могу помочь, дома всегда сам меняю, за что имею от жены одни благодарности!

– Ой, Мишенька, серьезно? Честное слово, обяжешь! – обрадовалась Елена Павловна.

– Миша, когда сделаешь? Он мне все нервы вымотал!

– Да хоть сегодня...

– Чудесно! Только там ключ надо, у меня нету.

– Найдем – в цехе попрошу...

В небольшой двухкомнатной квартире Елены Павловны было чисто и прибрано, как бывает у одиноких бездетных женщин. Полированная «стенка», напротив нее – от пола до потолка – книги на полках, палас, софа с круглыми, обшитыми бархатом подушками, удивили Михаила. «Невеста-то богатенькая...» – подумал он, входя в ванную, ослепившую его чистотой и блеском кафельных стен.

«Хорошо, хоть в подвал не бежать», – обрадовался он, найдя перекрывной вентиль.

Через полчаса, заменив кран, он вошел в большую комнату и увидел на столе бутылку коньяка, яблоки, салат... Елена Павловна переделалась в легкое свободное платье из темно-синего шифона.

– Готово!

– Чудненько, Мишенька, чудненько! А теперь давай действуй, – кивнула она на бутылку коньяка.

Михаил наполнил хрустальные рюмки и сказал:

– За кран, который потек!

Выпив, он закурил. Елена Павловна тоже попросила сигарету.

– Миша, как ты относишься к курящим девушками?

– С курящими не знаюсь. Простите, к вам это не относится. Еще по одной?

Елена Павловна кивнула.

– Леноч, вы не по средствам живете: столько книг – целое состояние!

– Милый мой, так это когда куплено? Тебе такое и не приснится, Тургенев по тридцать копеек за том...

– Музыка играет? – кивнул Михаил на проигрыватель на ножках.

– Играет, только пластинки старые, от папы с мамой да мои двадцатилетней давности.

– «Аргентинское танго», – прочитал Михаил, – хочу «Аргентинское танго»!

Он включил проигрыватель, поставил пластинку, подошел к Елене Павловне и, дурашливо раскланиваясь, сказал:

– Разрешите вас пригласить!

Елена Павловна побледнела и в смятении стала тушить в пепельнице сигарету. Он вспомнил о ее ноге, обозлился на себя, твердо и цепко взял ее за руку и потянул из кресла. Они скованно затоптались на одном месте, и он, глядя на ее покатые полные плечи, думал о том, что, пожалуй, у нее связи: бюстгальтер, и тот фирменный – «маркиза». Он притянул ее к груди, почувствовал, как пальцы утопают в мякоти тела. «Сдобная», – раздраженно подумал он. Елена Павловна хотела отстраниться, но не смогла преодолеть сопротивления его рук, и только, откинув голову, смотрела на него серьезно и напряженно. И лишь, когда он впился горячими губами в ложбинку меж грудей, страдальчески прошептала:

– Мишенька, мальчик, зачем тебе это...

Через две недели рано утром, после третьей проведенной с ней ночи, Михаил стоя складывал в портфель синие тома собрания сочинения Александра Блока. Елена Павловна, стоявшая рядом в цветастом халате, тихо спросил его:

– Михаил, ты придешь ко мне? Когда ты придешь?

– Леноч, ты ведь знаешь, у меня жена, работа... Девятитомник Бунина у тебя хорош! Поменяемся?

– Да, да... – рассеянно проговорила Елена Павловна, закуривая.

– На что?

– Ах, все равно... Мне ничего не надо...

– Ну, пока! Заскочу с чем-нибудь, – холодно поцеловал он ее в лоб и вышел.

Елена Павловна отворила балконную дверь и, опершись спиной о косяк, смотрела, как Михаил легко и пружинисто бежал к автобусной остановке. Губы ее судорожно скривились в искаженной усмешке, и она не смогла удержать фильтр сигареты. Оранжевые

лучи солнца, краешком выглянувшего из-за соседнего дома, скользнули по лицу, шевельнулись на ресницах радужными иголочками и растеклись по стене радостным светом.

1980